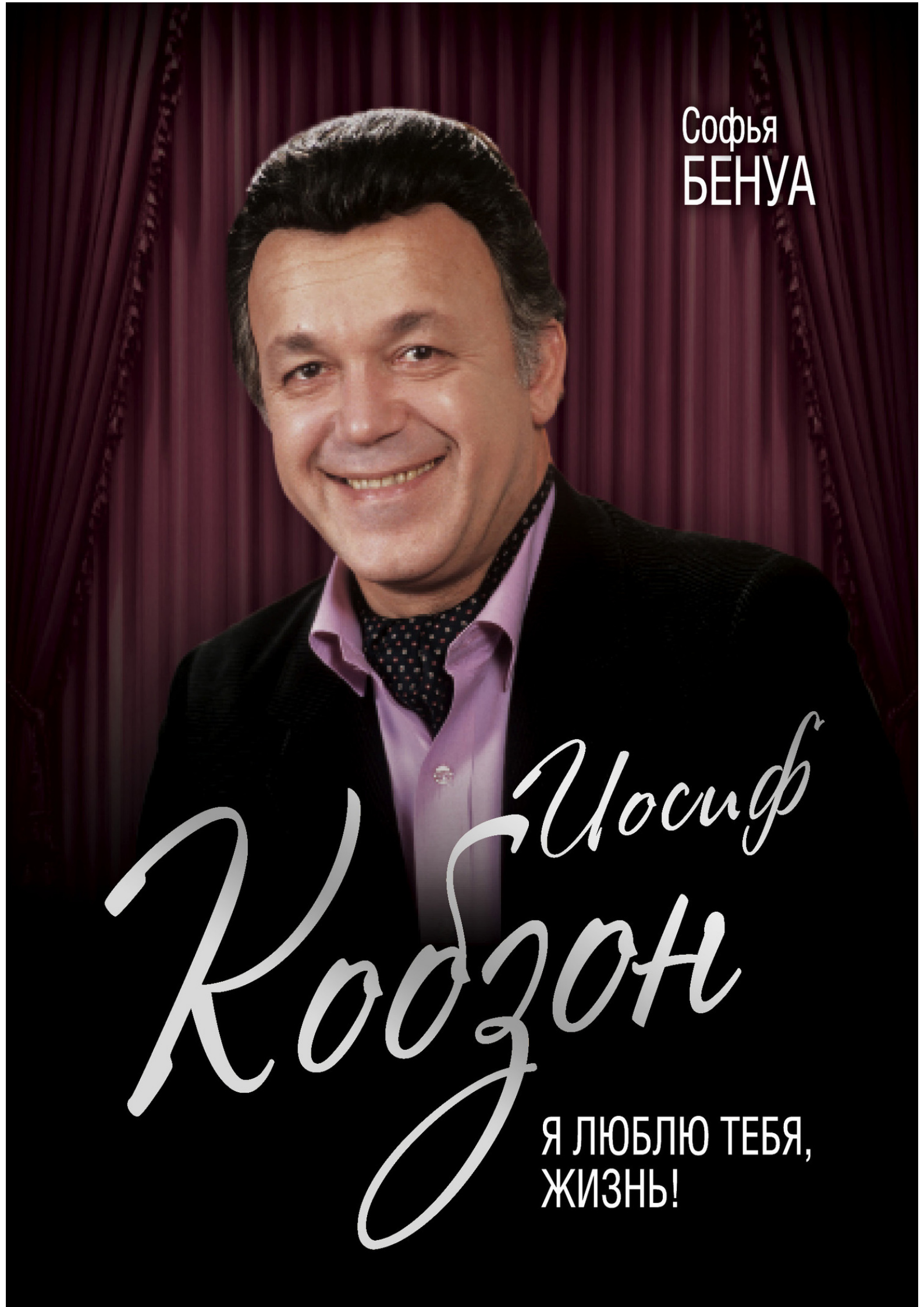

A portrait of a middle-aged man with dark hair, smiling, wearing a black suit jacket over a light purple shirt and a dark patterned tie. The background is a dark red, vertically pleated curtain.

Софья
БЕНУА

Иосиф
Коззон

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ,
ЖИЗНЬ!

Мужчины, покорившие мир

Софья Бенуа

**Иосиф Кобзон. Я
люблю тебя, жизнь...**

«Алгоритм»

2018

УДК 784.071.2(092) Кобзон И.
ББК 85.364.1-8 Кобзон И.

Бенуа С.

Иосиф Кобзон. Я люблю тебя, жизнь... / С. Бенуа — «Алгоритм»,
2018 — (Мужчины, покорившие мир)

ISBN 978-5-907120-08-2

Таким останется с нами Иосиф Кобзон: незабываемый голос, незаурядная личность, сохранившая на сцене и в жизни лучшее, что было в Советской эпохе. Ему не было и 11 лет, когда он спел перед самим Сталиным. «Так начиналась моя карьера. Я был еще маленький и толком не понимал, что такое «вождь всех народов»... Его называли Иосиф. И меня мама моя назвала Иосифом». Эта книга – о том, как родился и сформировался великий Народный артист, дань нашей благодарной памяти человеку-легенде, без которого невозможно представить жизнь страны в последние шестьдесят лет. Личность на сцене и в жизни, он был редким исполнителем, для которого музыка вторична, первичен же смысл исполняемого. «Суть настоящего искусства в том, чтобы бежали мурашки», – говорил он. И действительно, его проникновенный баритон ввергал душу в трепет сродни священному. Как он жил и творил, как любил и что ненавидел, как участвовал в бизнесе и политике, как шел по велению сердца навстречу смертельной опасности, – в новой книге Софьи Бенуа.

УДК 784.071.2(092) Кобзон И.

ББК 85.364.1-8 Кобзон И.

ISBN 978-5-907120-08-2

© Бенуа С., 2018
© Алгоритм, 2018

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	24
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Софья Бенуа

Иосиф Кобзон. Я люблю тебя, жизнь...

Фото на обложке: Геннадий Прохоров / Фонд / ТАСС.

В книге использованы фотографии из архивов ИТАР-ТАСС, МИА «Россия сегодня».

Предисловие

«Не тускнеет сиятельная мощь его признанного таланта...»

Наш герой – талантливый исполнитель, обладающий редчайшим даром петь десятилетиями только те песни, которые обречены на восхищенную любовь слушателей. Своим внутренним чутьем он открывает самые нужные песни, и, исполняя, озвучивая, отдает их в дар нашим сердцам, превращая в самые желанные и любимые, почти «домашние». «Меняются политический строй и общественный уклад, приходят и уходят лидеры и их свиты, постоянно мутирует, комбинирует и рекомбинирует отечественный бомонд, а он остается, и не тускнеет сиятельная мощь его признанного таланта», – говорится в предисловии книги «Как перед Богом». Ибо он – вне времени, коварно разделившего его почитателей на советских и постсоветских, на близких и далеких, на друзей и даже... врагов. И все в этом разноплановом кругу его слушателей прекрасно осознают: «он – не просто эпоха в нашей жизни и в жизни страны, осколками которой мы все сейчас являемся, где ни живем – он и есть для нас та страна, все лучшее, что в ней было»¹.

Тот, о ком мы говорим, знаком каждому, имя его звучное – Иосиф Кобзон. Официальная биография артиста звучит так:

«Иосиф Давыдович Кобзон (11 сентября 1937, г. Часов Яр, Донецкая область, Украинская ССР, СССР) – советский и российский эстрадный певец (баритон), музыкально-общественный деятель, педагог. Депутат ГД РФ II—VI созывов. Первый заместитель председателя комитета ГД РФ по культуре (с 2011 года).

Народный артист СССР (1987). Лауреат Государственной премии СССР (1984), премии Ленинского комсомола (1976), премии Правительства РФ (2011). Член партии «Единая Россия» с 2003 года»².

Тот, кто трудом и талантом заслужил великое звание «Народный артист» страны, занимавшей пространство на одной шестой части суши (!), будучи прославленным, так и не «забронзовел», не «увековечился» в своих прошлых заслугах, – он искренен, живо интересуется тем, что происходит вокруг, совершая поступки, вызывающие новую волну уважения и восхищения. Кобзон меняется вместе с ситуацией, вместе со страной, вместе с нами... И, может быть, некоторые меняются вместе с ним...

¹ <http://idkobzon.narod.ru>

² https://ru.wikipedia.org/wiki/Кобзон,_Иосиф_Давыдович

Глава 1

«Мама моя любила меня. Любила больше всех...»

Как признавался сам исполнитель, жизнь для него началась со слова, и этим словом было священное слово «мама».

Мама будущей знаменитости Ида Исаевна Шойхет (наст. отчество Исаковна; в замужестве Копзон/Кобзон) родилась в 1907 году. Благодаря разным источникам мы можем собрать ее биографию, соединив воедино разрозненные куски, отрывочные сведения и предположения.

Девочка Ида родилась в еврейской семье, проживавшей в Подольской губернии, рано потеряла отца и уже с 13 лет вынуждена была зарабатывать, выращивая табак. В молодости работала на деревообрабатывающей фабрике, в 22 года вступила в ВКП(б). С 1930 года работала народным судьей.

Некоторые источники, урезав время существования Российской империи, пишут, что Ида Исаевна родилась в Каменец-Подольской области в семье кустика³. В 1917 году отец умер, мать осталась с четырьмя детьми в крайней нужде. С 1920 года Ида начала батрачить, трудилась на табачных плантациях. По окончании специальных курсов работала мастером на деревообделочной фабрике в Проскурове. В январе 1930 года Ида вышла замуж и вместе с мужем переехала в Славянск. Работала на Славянском изоляторном заводе, затем начальником АХО Славянского городского отделения связи, заведующей общим отделом Славянского горкома комсомола КП(б)У. В 1934 году Ида Исаевна была избрана народным судьей в городе Часов Яр⁴.

Иосиф Кобзон никогда не скрывал свою любовь к матери, подчеркивая, что она всегда была его нравственным ориентиром и играла в его жизни ключевую роль. Несмотря на то, что Иосиф рос в многодетной семье, его с матерью связывали особые отношения – сын был маминим любимчиком. В книге «Как перед Богом» Иосиф Давыдович признавался: «Мама моя любила меня. Любила очень. Любила больше всех. Потому что был я у нее самый младшенький. Это уже потом, когда в семье появился шестой ребенок – сестричка Гела, Гела стала самой любимой. Самой любимой еще и потому, что была девочкой. Мама никогда не звала меня по имени, а звала... всегда: сынуля. И я любил ее. Любил очень. И всегда, всегда, до последних дней... звал ее: мамуля. Делала для меня она все, что могла... Если оставалась одна конфета, то, конечно доставалась она мне. Если на Новый год маме удавалось достать мандаринку, то она стыдливо прятала ее от других, чтобы накормить мандаринкой... меня. Не стало мамы у меня в 1991 году».

Родовое древо семьи Кобзонов не очень ветвистое в силу разных причин, в том числе и исторических. Немудрено, что Иосиф Давыдович не может рассказать о своих родных «до пятого колена». В интервью одному из еврейских изданий, певец признавался, отвечая на вопрос о родственных корнях⁵:

– К сожалению, я не знаю своих корней по той простой причине, что мы ассимилированные провинциальные евреи с Украины. Я родился в Донбассе. Украина – моя родина. Учился в украинской школе. Моя мама Ида Исаевна была «синеглазницей» – рьяной комсомолкой. Она закончила юридическое училище, потом ее избрали судьей. Отец был политработником. Дедушку своего я не помню. Помню бабушку по линии мамы. Во время войны, когда мы были

³ Лицо, занимающееся производством на дому для сбыта на рынок, ремесленник.

⁴ Как видим, разные печатные источники дают разные даты, с какого времени комсомольская активистка Ида Кобзон начала работать народным судьей. При этом некоторые утверждают, что женщина успела к тому времени закончить юридическое училище.

⁵ <http://zbaza.livejournal.com/44972.html>

в эвакуации в Узбекистане, она попала под поезд и погибла. Со стороны отца я вообще не знаю ни дедушку, ни бабушку.

Маленький Иосиф в эвакуации в Узбекистане

Давая в 2008 году интервью популярному изданию «Караван историй», исполнитель охотно делился своими признательными рассказами о маме⁶.

«— Моя мама Ида Исаевна — дитя своего времени, стопроцентная коммунистка. Ну что вы хотите, если у нее был партбилет номер два, а номер один получил Леонид Брежнев!

— Иосиф Давыдович, значит, ваша мама находилась в гуще общественной жизни...

— У мамы болело сердце не только за своих детей, а за всю страну, за происходящее в мире. Где-нибудь землетрясение случится или агрессия — у нее уже трагедия. На все реагировала очень эмоционально, принимала близко к сердцу. Помню, прихожу к маме, а она чуть не плачет: “Какой ужас, какой ужас!” — “Что случилось?” — “Ой, сыночек, я не выдержу. Ну как долго они летают в космосе!” — “Да у космонавтов работа такая”. — “Но ведь у них есть дети, родители... Как же так можно?!”

У мамы очень непростая судьба, как, впрочем, и у всех женщин того поколения. Была и батрачкой, и синеблузницей, шестеро детей на руках, война, эвакуация... И при этом умудрилась получить образование, работала судьей. Всю семью спасла во время войны...»

Употребляя для характеристики своего самого близкого человека термин «синеблузница», Иосиф Давыдович лишь подчеркивал ее связь с далеким временем начала XX века, когда призрачные идеалы о счастье и равенстве доминировали в сознании простых людей. О времени, расцвет которого он сам воспевал словами: «Любовь, Комсомол и Весна!»

*Звени, отваги колокол!
В дороге все, кто молоды.
Нам карта побед вручена.
Отчизне в дар останутся
Рабочей славы станции.
Запомните их имена:
Любовь, Комсомол и Весна⁷.*

⁶ <http://7days.ru/caravan/2008/8/iosif-i-nelli-kobzon-brak-po-raschetu.htm#ixzz3eMPk6oxa>

⁷ Песня на стихи Н. Добронравова «Любовь, Комсомол и Весна».

Уж не знаем, как мама великого артиста была причастна к идейному творчеству, однако если это так, то, возможно, любовь ее сына к патриотическому жанру была впитана им, как говорят, с молоком матери. Для более понятного повествования объясним, кто же такие «синевлузники», вдохновлявшие советский народ на светлое будущее.

«Синяя блуза» – по сути новое революционное массовое искусство. Так назывался советский агитационный эстрадный театральный коллектив, существовавший с начала 1920-х до 1933 года и отражавший в своем творчестве самые различные темы: от общеполитических и международных до мелочей быта. Понятно, что название ансамбля, а затем и творческому движению дала одежда – свободная синяя блуза и черные брюки (или юбка), в которой выступали артисты, что соответствовало традиционному облику рабочего на агитплакатах. Артисты театра носили значки: один – символическое изображение рабочего, который был и на печати театра, и на его афишах, а другой – в виде знамени. В дальнейшем близкие по творчеству артисты других театров и общественные деятели награждались значком с присуждением звания «синевлузника».

Интересно, что самый первый коллектив под названием «Синяя блуза» был организован в Московском институте журналистики в 1923 году. А вскоре выяснилось, что «Синяя блуза» породила тысячи последователей! Уже через короткое время насчитывалось около 400 подобных самостоятельных коллективов, и количество их стремительно росло. В октябре 1926 года в Москве состоялся Всесоюзный съезд синевлузников, на котором было представлено до 5000 групп.

Их репертуар состоял из литературно-художественных монтажей и патетических либо сатирических сценок, отражавших производственную, общественную жизнь и международные события. Легко представить себе их творчество, если вспомнить отечественные фильмы, в которых показано время 30-х годов, где как атрибут той эпохи обязательно будет показана сценка с участием подобных творческих бригад: юноши и девушки в рабочей или спортивной одежде создают странные физкультурные фигуры под маршевую музыку. Вот такими задорными кульбитами и стихотворным речитативом «синевлузники» и уже с ними развлекали и просвещали заводскую и фабричную молодежь, отправляясь в поездки по городам и селам большой советской страны. Поволжье, Урал, Сибирь, Закавказье, Туркестан и другие регионы – не было ни одного места, где не знали бы о них.

Маршей, под которые выступали «синевлузники», было много, но самым популярным, который распевала вся страна и который наверняка не раз напевала молодая мать Иосифа Кобзона, был следующий:

Мы синевлузники, мы профсоюзники —
Нам все известно обо всем,
И вдоль по миру свою сатиру,
Как факел огненный, несем.
Мы синевлузники, мы профсоюзники,
Мы не баяны-соловыи —
Мы только гайки в великой спайке
Одной трудящейся семьи...

Между прочим, Иосиф Давыдович утверждал, что именно мама научила его петь!

«А вот петь, пожалуй, научился сперва от мамы, а потом уже продолжил на уроках пения и в кружке художественной самодеятельности. Мама очень любила петь романсы и украинские песни. У нее был патефон и много пластинок.

Иосиф Кобзон с матерью и братьями

Нравилась ей песня “Дывлюсь я на нэбо, тай думку гадаю...” И мне тоже понравилась. Я любил подпевать маме. Долгими вечерами при керосиновой лампе это было какое-то волшебное, какое-то завораживающее действие и зрелище. Тоску сменяла радость, слезы – веселье, когда пела свои любимые песни мама. И, вероятно, именно тогда я навсегда “отравился” пением. Песни стали моими наркотиками. Пройдет целая жизнь. И в 2001 году, когда часы начнут отсчитывать, быть может, мои самые трагические минуты, когда мое “я” будто маятник, будет колебаться между жизнью и смертью, а потом врачи скажут, что я все-таки останусь жить, первое, что я попробую сделать, – это проверить: а сохранила ли моя память хотя бы какие-нибудь песни? Я тяжело начну вспоминать незабываемые строки и с трудом, хотя бы мысленно, произносить отдельные слова, а затем рискну попробовать... петь, чтобы узнать: не отказал ли голос?! И узнав, что голос возвращается, и что я опять буду петь, я пойму, что жизнь моя действительно продолжается...»

Глава 2

Счастливое детство отличника и... хулигана

«Началась моя жизнь 11 сентября 37-го года. Смотрю я на эти, оказавшиеся для мира трагическими, цифры с высоты сегодняшнего дня... Смотрю и вспоминаю свое страшно бедное, но все равно счастливое детство. Счастливое. Несмотря на то, что по нему прокатилась Великая Отечественная. Война стала главным воспитателем моего поколения. Родился я на Украине. В Донбассе. В небольшом городке. У нас называют их ПГТ – поселок городского типа. Городок с именем Часов Яр. Это моя историческая родина», – рассказывал Иосиф Давыдович.

Он не зря с теплом вспоминает место своего появления на свет: там о нем помнят с не меньшей любовью и уважением: на входе в здание местного горисполкома, напоминая каждому посетителю о знаменитом земляке, висит табличка с надписью: *«В городе Часов Яр 11 сентября 1937 года родился выдающийся певец современности, депутат Госдумы России, крупный общественный деятель СНГ И.Д. Кобзон»*. Журналисты «Комсомолки» раскопали, что это не просто памятная доска, а еще и прямой указатель на место рождения⁸. В 30-х годах XX века здесь располагался роддом, в котором мать будущей эстрадной звезды и произвела на свет свое любимое чадо. Добавим, что у Кобзона есть три старших брата и младшая сестра.

В то время, когда родился Иосиф, семья Кобзонов была и благополучной, и дружной. Мать состояла в должности народного судьи, отец работал в заводской пожарной охране.

В книге воспоминаний певец делился такими подробностями, связанными с его детством: «Меня спрашивают: а вас в детстве дразнили или еще как-то делали вам плохо? Отвечаю: меня очень тяжело было обидеть, потому что я был таким, что мог за себя постоять...

Говорят: это значит, если что – сразу в ухо или по зубам? Отвечаю: не так, чтобы сразу по зубам, но, во всяком случае, особых вольностей по отношению к себе не допускал. У меня были дружки, с которыми я был, как три мушкетера: один за всех и все за одного. И в школе, и в пионерском лагере я всегда был первым. Так что ни у кого не появлялось желания сделать мне какую-то гадость».

Мамин любимчик Иосиф в кругу семьи: с мамой Идой Исаевной, отчимом Михаилом Михайловичем и братьями Исааком, Иммануилом и Львом

⁸ <http://kp.ua/culture/10325-kobzonu-v-yunosty-vechno-putaly-to-famylui-to-otchestvo>

Стойкий характер и черты лидера проявлялись в мальчике с самого раннего детства. Возможно, не последнюю роль в становлении именно этих черт сыграла не столько наследственность, сколько безграничная любовь матери, сумевшей привить сыну осознание его избранности, нужности, его талантливости и особенности. Воистину любовь творит чудеса. А материнская любовь и подавно!

А еще в Иосифе особо остро проявлялось чувство справедливости. Мне думается, что именно это обостренное чувство является характерной чертой всего «советского контингента» – в силу сосуществования в рамках строя, основными принципами которого было как раз создание справедливого общества. Не распушенность, не сексуальные отношения за чертой деградации, не вседозволенность, выдаваемые за «демократию», а именно – доброта, честность и справедливость. Само собой, идеального общества как такового не существует, но советский строй был более искренен к простому человеку, чем, возможно, любой другой.

«В детстве я всегда был отличник и... одновременно хулиган. Но не в том смысле, что антиобщественный элемент, а просто никогда не отказывался подраться, если драться нужно было, как говорится, за справедливость, то есть был я хулиганом иной породы – мне нравилась роль Робин Гуда. Для мамы я оставался “сынуля”, а улица звала своего командира Кобзя. Улица, конечно, затягивала и меня, но никогда не мешала хорошо учиться. У мамы сохранились похвальные грамоты с “Лениным и Сталиным” – в основном за мою учебу. Но есть среди них и такие, которые свидетельствуют, что я был победителем и на олимпиадах по художественной самодеятельности. Одна из них – девятилетнему Кобзону “за лучшее пение”... Мне тогда, в 46—47-м, здорово нравилась песня Блантера “Летят перелетные птицы”. Пел я ее просто от души... в Донецке, а потом и в Киеве. Когда через время показал эту грамоту Блантеру, старый композитор расплакался».

Иосиф рос в обычной еврейской семье, в обычном дворе обычного советского города, дружил с простыми советскими ребятами. И пользовался при этом авторитетом. Потому кажется странным, что Иосифу Давыдовичу приходилось отбиваться от неумеренных в своем любопытстве журналистов, которых беспокоил пресловутый «еврейский вопрос». У знаменитого исполнителя не раз сочувственно допытывались: а не дразнили ли вас в детстве всякими гадкими словечками? Ответы мэтра достойны его величия; там, где шипят за спиной, не любят так искренне, так щедро, и в таких масштабах, как любят народного артиста И. Кобзона народы бывшего СССР! Пафосно, но справедливо...

«Снова и снова интересуются: не ощущали ли вы, особенно в детстве, антисемитизм? И я снова и снова, в который уже раз повторяю одно и то же: нет. Потому что в СССР не было государственного антисемитизма, а был конкретный антисемитизм со стороны отдельных личностей, с которыми я боролся всеми доступными средствами. Сейчас, к сожалению, в этом вопросе приходится прибегать только к политическому диалогу или к какому-то общественному осуждению. А раньше за разжигание межнациональной розни можно было и срок получить. В крайнем случае, можно было просто... элементарно разобраться: услышал обзывание типа “жидовская морда” – подходил и... Подсказывают: в ухо или в нос... Нет, в советские времена я этого ощущал. Не ощущал! В советские времена в этом отношении строже было. Безнаказанно никто рот не открывал».

В 1939 году (по другим сведениям: в 1940-м) семья И.Д. Кобзона переехала во Львов, где мама работала начальником спецотдела облспромсоюза. Отец был служащим предприятия. Но в этом городе им довелось быть недолго. Как недолго осталось существовать и дружной семье Кобзонов. Все планы нарушила война... Но даже это страшное время для мальчика Иосифа наполнено добрыми воспоминаниями. Потому что были: детство, дружба, мечты...

– Меня воспитала улица. К счастью, не злая. Я умел себя защищать, всегда был лидером, лучшим учеником в школе и никогда не обижал тех, кто слабее. Сколько себя помню – я всегда пел: во дворе, в художественной самодеятельности в школе.

Глава 3

Эвакуация в Узбекистан, или Война как главный... воспитатель

Беззаботное взросление было прервано войной; миллионы мальчишек и девчонок в одночасье узнали ужасы, которые могли представляться разве что в самых жутких снах. Украинский город Львов стал местом, которое разделило жизнь семьи Кобзонов на два этапа: мирную и фронтовую. «Я до деталей помню начало войны, хотя мне тогда не было еще полных четырех лет», – признается певец.

Несмотря на то, что Иосиф совсем недолго прожил в этом городе, до недавних пор известном как культурная столица Украины, у него остались самые теплые воспоминания. Уже будучи в возрасте, знаменитый артист приезжал, чтобы встретиться с друзьями, которых тут у него немало и побывать на могилах родственников. Артист охотно прогуливался по улицам города и позировал с местными жителями, делающими фото с приезжей знаменитостью. Местным журналистам он кратко сообщал:

– Моя семья некоторое время, еще перед войной, жила во Львове. В 1941 году отец ушел на фронт, а мама с тремя детьми, в том числе и со мной, выехала в тыл.

По словам Иосифа Давыдовича, он раньше часто приезжал во Львов с гастрольями и просто так, чтобы погулять старинными улочками⁹.

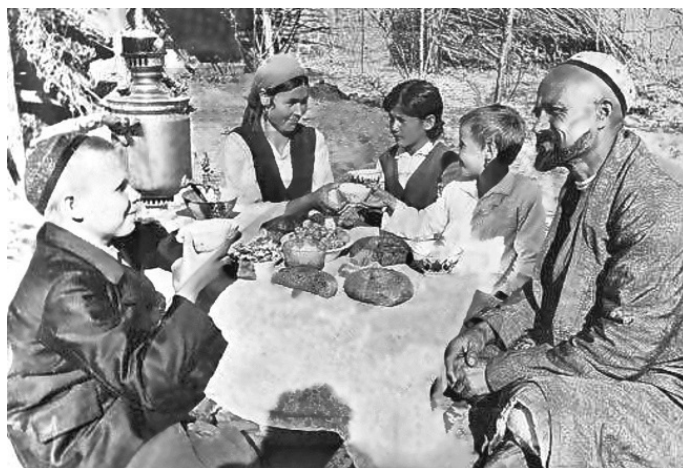
Львов в годы фашистской оккупации. 1942 год

Семейные пути, приведшие Кобзонов во Львов, внезапно и бесповоротно разошлись. Вот как вспоминал то непростое время певец: «Там и застала нас война. Отец ушел на фронт, а мать с детьми (тогда их было еще пятеро), со своим братом-инвалидом и со своей мамой, нашей бабушкой, решила эвакуироваться. Я, когда возвращаюсь к памяти детства, совершенно четко помню эту нашу эвакуацию. Я помню этот вагон. Я помню переполненные станции. Я помню, как отстала мама... Она бегала за водой для нас и... отстала от поезда. Я помню, как все мы – и бабушка, и дядя, и братья, и я, как самый младший, были в панике: пропала мама!

⁹ http://glavred.info/vip_star/iosif-kobzon-vo-lvove-pobyval-na-mogilah-rodstvennikov-249960.html

А у нас всегда вся надежда была на маму. Но... мама через три дня догнала нас... на какой-то станции. Так мы попали в Узбекистан, в город Янгиюль, в 15 километрах от Ташкента.

Я четко помню военное детство. Я помню, как мы жили в узбекской семье, в ее глиняном домике, где даже полы были глиняные. Мы все жили в одной комнате. Наша семья разделяла только занавеска. Когда устраивались на ночлег, выкладывались тюфяки, и все ложились, что называется, штабелями. Так жили с 41-го по 44-й. Каждое утро взрослые поднимались на работу. Поднимали и нас, детей, чтобы покормить... Кормили в основном какой-то тюрей... И так, чтобы сытно было весь день. Варился так называемый суп... Мама моя была в этом деле находчивая женщина. Хозяйка. Она делала еду, казалось, из ничего. Все съедобное шло в ход: картофельные очистки, щавель, просто зеленые листья или какая-то кусачая лечебная трава, которую так любят есть собаки и кошки, когда им не хватает витаминов или нападает какая-нибудь болезнь. Все это она добавляла в бульон, для которого покупала свиную голову и свиные ножки. Вываривала их, и получался жирный бульон. Чистые, золотистые капельки жира в нем были такие, что текли слюни. Бульона хватало на всю выварку. А выварка была большая, алюминиевая. И этого нам хватало, чтобы жить целую неделю. Хлеба не было. Лишь иногда нас, детей, баловали узбекскими лепешками. Но, в основном, заедали мы всю эту тюрю жмыхом...»

В годы войны люди со всего Советского Союза приезжали в Узбекистан, и никому из них не было отказано в гостеприимстве...

Это отрывок из книги «Как перед Богом». Вспоминая о том же периоде в беседе с журналистами издания «Караван историй», Иосиф Давыдович делал и другие дополнения¹⁰:

– Украинская кухня, да еще в мамином исполнении – это гениально! Непревзойденный мамин борщ, мамины котлетки... Наверное, в них было больше хлеба, чем мяса, но все равно просто объедение...

Или, к примеру, вот это:

– Хлеб берегли пуще золота. Я по сей день ловлю себя на мысли, что не могу выбросить даже корочки. С тех пор я больше всех продуктов люблю хлеб. В студенческие голодные годы, бывало, берешь батон, двести граммов колбасы и бутылку молока. Вкусно и наедаешься на весь день. Сыт и счастлив!

И, еще такая подробность, кажущаяся нам с высоты нашего времени даже отчасти смешной или просто забавной.

¹⁰ <http://7days.ru/caravan/2008/8/iosif-i-nelli-kobzon-brak-po-raschetu/9.htm#ixzz3fOZ1y9e6>; <http://7days.ru/caravan/2008/8/iosif-i-nelli-kobzon-brak-po-raschetu/2.htm#ixzz3f0xXOryY>

– К субботе в этой же огромной выварке нас, детей, мыли по очереди. Потом в ней же кипятилось белье, чтобы избавиться от всяких насекомых.

Еще одним подспорьем для голодной семьи было то, что все они жили в районе маслобойного завода, вернее, рядом с забором, огораживающим территорию завода. «И вот там нам удавалось разжиться жмыхом, который делался из отходов семечек подсолнечника. Пахучий, до приятного головокружения, и такой твердый, что его можно было грызть бесконечно. Этот жмых был главным детским лакомством. Смешиваясь со слюной, он насыщал наши вечно хотящие есть желудки. Еще мы насыщались смолой, обыкновенной черной смолой. Мы жевали ее целыми днями. Ходили и жевали. Это была наша жвачка. И этим мы тоже утоляли голод».

В годы, когда не хватало не только хлеба и самых простых круп, ребята умудрялись даже... баловать себя лакомством. Как-то певец сделал забавное признание¹¹, как они, мальчишки, облизывали конфеты, которые их мать изготавливала на продажу.

– Чтобы заработать денег, мама варила конфеты. Готовые конфеты пересчитывали и укладывали на досточку. Досточки с лакомством висели в нашей комнате на веревках достаточно высоко. Но мы, дети, ночью потихоньку вставали и их облизывали. А утром мама, ни о чем не подозревая, везла эти конфеты продавать на рынке.

«... Скоро жить стало немножечко легче. Мама начала работать начальником политотдела совхоза. До этого, на Украине, еще с Часов Яра она работала судьей. Мы с братьями, как могли, помогали ей. Бегали на базар продавать холодную воду. С кружками. “Купи воду! Купи воду!” наперебой кричали мальчишки. И в жару, под палящим узбекским солнцем, ее охотно покупали. Правда, за какие-то копейки. Но и это помогало нам жить. И мы выживали и... выжили».

На вопросы, как Ида Исаевна управлялась с оравой мальчишек, ее сын отвечал:

– Нас у мамы росло трое мальчишек. Не могу сказать, что она была ласковой и доброй, скорее – достаточно жесткой женщиной. Растила-то мальчишек. Потом нас стало пятеро, Гела – единственная девочка – родилась уже после войны. Мама не только нас вырастила и воспитала, но и дала всем образование. Мы с братьями как могли старались ей помочь.

В маленьком узбекском доме в городке Янгиюль (ранее также: Янги-Юль), в котором Иосиф пережил те самые тяжелые для страны годы, протекала своя кучная, напряженная жизнь, скрашиваемая мыслями о взаимопомощи. То было время, когда не только города и селения, но и люди проверялись на прочность... одни – под натиском врага, другие – под натиском бедности, тяжелого труда и бытовых неурядиц.

В разных источниках мы находим разные подробности военного детства будущей мегазвезды Советского Союза. Эти подробности, рассказанные в разное время разным людям, не слишком отличаются друг от друга, но все они подчеркивают кобзоновскую мысль: *«война стала главным воспитателем моего поколения»*.

«Мы все жили в огромной комнате. Бабушка, мама, брат мамы, его жена и ребенок, нас трое, и двенадцать человек – узбекская семья, которая нас приютила. С наступлением сумерек мы стелили ватно-стеганные подстилки и укладывались все вместе в этой комнате “штабелями”. Когда наступал рассвет, от духоты все пробуждались и разбегались по своим делам. Взрослые шли на работу, а мы – бродить по дворам, играть в матерчатый мяч, стрелять из рогатки».

«Покормив, взрослые выгоняли нас гулять на улицу. Весь день и день за днем мы проводили на улице. Гоняли с мальчишками по ней босиком, устраивая обычные пацанячьи игры. Так что, можно сказать, моим детским садом была улица. Не сказать, чтобы я тогда всегда был заводилой, но всегда руководил всем как командир. Конечно, дрались. Но очень быстро мирились. И тем самым учились не держать друг на друга зла. Потрясающе добрый и гостеприимный узбекский народ останется в моей памяти навсегда».

¹¹ Там же.

Глава 4

Семейные тайны, или Почему «ГОЛОВА СЫНА» не носит отчество отца

Когда началась Великая Отечественная, Давид Кобзон на второй день ушел на фронт, а вся его многочисленная семья села в поезд и отправилась в неизвестность...

Об отце Иосифа Давыдовича известно немного. Возможно, в основном только то, что сам артист помнил с детства по рассказам взрослых, либо что он в силу определенных причин пожелал сделать достоянием общественности.

Город Часов Яр расположен в Донецкой области на канале Северский Донец. Основан в 1876 году

Внимательный читатель спросит, а почему сын Давида прозывается Давыдовичем, почему сын носит отчество, не совсем совпадающее с отцовским именем? Ответ прост, и это уже не раз обсуждалось пишущей братией. К примеру, читаем в «Комсомольской правде в Украине» от 11 сентября 2007 года в статье журналистов, побывавших на малой родине певца – в городке Часов Яр Донецкой области¹²:

Одна из улиц города носит имя великого певца

¹² <http://kp.ua/culture/10325-kobzonu-v-yunosty-vechno-putaly-to-famylyui-to-otchestvo>

«Личные документы Кобзона – это вообще отдельная история. В какой ни глянь – сплошные ошибки! Нерадивые чиновники пощадили, пожалуй, только свидетельство о рождении певца, где все заполнено верно. В остальных же случаях – натуральное безобразие. Например, в профсоюзном билете и дипломе выпускника техникума отчество записано “Давидович”.

– Сам он настаивает на отчестве Давыдович! – отметил директор музея-гостиной Кобзона Сергей Татаринов. – Долгое время Кобзон молчал, а потом в какой-то свой приезд не выдержал и говорит мне: “Ну что меня все Давидовичем называют? Я Давыдович!”

В удостоверении комитета физкультуры и даже в паспорте образца 1958 года – ошибка в фамилии и в названии места рождения. По чьей-то халатности в главном документе, удостоверяющем личность, артист значится как Копзон, который появился на свет в Часовяре...»

И коль пошли рассуждения о написании в документах, то вспомним и то, что говорил певец о своей фамилии. В книге «Как перед Богом» есть такое объяснение фамилии Кобзон: «Вот Добруха спрашивает меня, имея в виду мою склонность к пению, не происходит ли моя фамилия... “Кобзон” от украинского слова “кобза”, означающего струнный музыкальный инструмент? Красивая могла бы получиться легенда, если вспомнить великого кобзаря Тараса Григорьевича Шевченко. Но... нет, не происходит. Скорее, если не обращать внимания на букву “б”, случайно заменившую букву “п”, то происходит она от слов “коп” и “зон”. А они, по-еврейски, насколько я понимаю, значат “голова” и “сын”. Стало быть, “голова сына”».

Задавшись вопросом об отце знаменитого исполнителя, дотошные исследователи в разных архивах обнаружили советские эвакуационные карточки, имеющие прямое отношение к обширной семье Шойхет и Кобзона. Из них можно почерпнуть недостающие сведения, которые вносят сумятицу в однообразный «родовой сюжет». И при этом свидетельствуют, что папа вместе с мамой присутствовал в жизни сына в далеком узбекском поселке и, возможно, сладкие конфеты делала вовсе не мама... Но обо всем по порядку, приведя спорные выводы любопытствующих товарищей¹³.

– Так чем же занимались и кем были папа-мама великого еврея СССР и России? Может, кто поможет разобраться, а заодно, может, расскажет, как им удалось в начале войны избежать еврейских погромов во Львове и оказаться в далеком и жарком Узбекистане? – Вот вопросы, которые озаботили исследователей биографии великого певца и заставили их раскопать и обнародовать старые советские документы.

«Судя по карточке, Давид Кунович, начальник отдела кадров конфетной фабрики им. тов. С.М. Кирова во Львове, был вдовцом с тремя сыновьями Исааком, Эмануилом и Иосифом, с которыми оказался в Узбекистане в г. Янги-Юль и пребывал там по крайней мере и в 1941 г. и в 1942 г., когда проходила перепись эвакуированных ЦСУ СССР.

Однако кем же был по специальности Давид Кунович: 1. пожарником? (“отец работал в заводской пожарной охране”); 2. комиссаром? (“отец был политработником и во время войны служил по комиссарской части”); 3. специалистом по производству леденцов и леденцовым кадрам или инструктором чего-то в артели им. Сталинской пятилетки, – как записано в карточке ЦСУ СССР?» – спрашивает исследователь, пожелавший раскопать всю подноготную семьи знаменитого певца.

Он же утверждает, что путь Кобзонов на Восток лежал через Киев, и будто бы в Киеве глава семьи сумел забрать своих родных – мать, отца и брата, чтобы затем уже направиться в сторону Ташкента.

«Воспоминания Н.А. Антипенко, на 22.06.1941 г. заместителя по снабжению командующего Львовского пограничного округа: “24 июня 1941 года мы отправили свои семьи на гру-

¹³ <http://chk.forumbb.ru/viewtopic.php?id=2873>; <http://cas1961.livejournal.com/1211052.html>; <http://zbaza.livejournal.com/44972.html>

<http://cas1961.livejournal.com/1211052.html>;

<http://zbaza.livejournal.com/44972.html>

зовиках в направлении на Киев без указания определенного адреса. Квартиры заперли и дали наказ дворникам следить за порядком, заверив их, что скоро возвратимся. Мы сами этому верили. В тот же день, по приказанию из центра, мы начали отправлять на восток весь железнодорожный порожняк и паровозы..." (Антипенко Н.А. На главном направлении. Воспоминания заместителя командующего фронтом. М. : Наука, 1967).

Папе Кобзону это было очень даже на руку. В Киеве он прихватил с собой на Ташкентский фронт свою родную маму». Здесь автор прикрепляет фото архивных бумаг, из которых следует, что Фрида Пенхасовна 1883 года рождения и ее супруг заведующий буфетом Куна Давидович 1893 года рождения отбыли из Киева в поселок Янги-Юль, а с ними еще и их сын Шимон Кунович (родился в 1924 году).

Также приводится и эвакуационное удостоверение мамы Иосифа Кобзона, согласно сведениям, она с должности начальника спецсектора облпрома была направлена в поселок Янги-Юль, где работала... заведующей столовой на маслозаводе.

Киев в годы войны.

Современная площадь Независимости (майдан), на заднем плане – руины дома, на месте которого после войны будет построена гостиница «Украина»

Согласно документам, в эвакуации все они жили по улице Ниязбашской в доме номер 18. С ними также проживал и брат Иды Яков Исаевич Шойхет (в карточке – Шайхет, 1915 года рождения), по профессии сапожник, работавший на дому. Наверняка простая обувка, которую шил дядя Яков-сапожник, помогала семье в ту тяжелую годину.

Сам же Иосиф Давыдович о своих родственниках, в частности, дяде Якове говорил дословно следующее¹⁴:

– Мой родной отец ушел на фронт в июне 41-го добровольцем. И сразу же ушли два маминых брата – Яков и Михаил. Братья не вернулись с фронта, погибли...

О судьбе бабушки Клары (по линии матери Кобзона) известно, что там, в Узбекистане, она попала под поезд и погибла.

Несмотря на самые теплые слова эстрадного маэстро и деятеля культуры о днях, проведенных в Узбекистане, и о людях, которые делили с его семьей стол и кров, с 2004 года Иосиф Давыдович является невыездным в эту страну. Из-за того, что Кобзон поет песни, прославляющие советское прошлое, концертная деятельность его в Узбекистане запрещена Министерством культуры и спорта. Сам Кобзон объяснил в прессе, что за этим стоит президент Узбе-

¹⁴ <http://www.kp.ru/daily/24486/642515/>

кистана, желающий дистанцироваться от советской пропаганды. Но такое одиозное решение поддерживают далеко не все; простые люди не могут смириться с тем, что не только их любимый певец, но и их сердцем любимые песни оказались «вне закона». Бред! Скорее всего тот, кто отрицает историю, тот, кто от нее дистанцируется, никогда не построит светлое будущее, политика таких лидеров не ведет к созиданию, и национальная история страны, где они правят, обречена на медленную деградацию. Не по этим ли причинам так много узбеков уезжает с родины, превращаясь в людей, заклеянных презрительным словом «гастарбайтеры»?

В одной из передач в прямом эфире радио «Комсомольская правда» накануне воистину великого советского праздника Дня победы знаменитый певец и политик два часа общался со слушателями. И тогда, 8 мая 2010 года, один из пробившихся в эфир спросил о наболевшем¹⁵:

«— Вас беспокоит Саварс Тигранович. Вы не могли бы вместе с другими порядочными людьми создать культурное пространство на территории бывшего СССР? Мы все друг по другу скучаем...

— Желание огромное. Этот вопрос я адресую комиссии по культуре стран Содружества. Думаю, они должны это сделать. Но и сам я не собираюсь оставаться в стороне. Проехал с концертами через все бывшие советские республики — всюду ощущается ностальгия по тем семейным ценностям, которые были во времена СССР.

— Победу приближали как могли люди разных национальностей, разных республик бывшего СССР. А теперь мы их называем гастарбайтерами... Вас вот это не коробит?

— Ну Украина-нэнька, моя родина, моя страна, а я туда приезжаю и оформляю документы как зарубежный гость. Я сожалею о том, что мне не дают возможности выступить в Узбекистане...

— А кто не дает? Вот Ислам Каримов¹⁶ недавно приезжал, говорил о дружбе между народами.

— Это разные вещи. Но мне запрещено выступать там с программой. Вот две страны, которые мне запрещают, — это США, там записали меня в «мафию», и Узбекистан.

— Вас же в войну приютила узбекская семья, да?

— Да, в Янгиюле, в маленьком городе под Ташкентом, мы жили в простой узбекской семье. У них было своих 8 детей и нас — 7 человек. На всех — маленький мазаный дом. И все помещались. На полу раскладывались циновки, тюфяки, и мы все штабелями ложились спать. И делились друг с другом тем, у кого что было».

Но вернемся в те далекие 40-е, когда советские люди плечом к плечу сражались с беспощадным врагом, не думая о национальностях. Так же утверждает Иосиф Давыдович:

— Когда наши отцы шли вместе в атаку против действительно ненавистного всем фашизма, они не спрашивали друг друга, какой они национальности. И одинаково помогали друг другу, делились кровью для раненых, а если было надо, то и умирали друг за друга, не раздумывая, кто и какого рода. Это были настоящие советские люди, а не так называемые «совки», которые всегда прятались за спины других...

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ислам Абдуганиевич Каримов (30 января 1938, Самарканд, УзССР, СССР) — советский, затем узбекистанский государственный и политический деятель, первый президент Республики Узбекистан с момента обретения страной независимости в 1991 году; в 1990—1992 годах — премьер-министр Узбекистана. В советский период занимал должность Первого секретаря ЦК Коммунистической партии УзССР (1989—1991). 24 марта 1990 г. на сессии Верховного Совета Республики избран Президентом Республики Узбекистан. Сохранил эту должность после нескольких перевыборов (последние президентские выборы состоялись 29 марта 2015 года). — *Примеч. ред.*

На улицах современного Янгиюля, Узбекистан

Именно тогда, в то трагическое время произошла и трагедия в рамках отдельно взятой семьи: отец юного Иосифа, игравшего в «пацанячьи игры» в жарком узбекском городке, решил оставить своих родных ради другой женщины. Вот как не единожды рассказал об этом сам певец:

«...в 43-м с фронта вернулся отец. Контуженный. Но вернулся не к нам, а... остался в Москве, где лечился и... увлекся другой любимой. Звали ее Тамара Даниловна. Прекрасная такая дама, педагог. Отец, Давид Кунович Кобзон, как и мама моя, был политработник. (Я единственный, кстати, из всех детей, кто сохранил и размножил его фамилию). Отец честно признался маме, что решил создать другую семью... В общем – оставил нас».

«А отца в 1943 году привезли контуженого и раненого в Москву, в госпиталь. В это время семья наша была в эвакуации в Узбекистане. И получилось так, что отец к нам больше не вернулся, у него в Москве появилась новая семья...

– Фронтальная любовь, да?

– Нет, не фронтальная, это была московская любовь...»

«Отец нас оставил. В 43-м году его очень сильно контузило. Он пролежал в госпитале, а потом приехал к нам в Янгиюль, повидал детей, забрал у мамы какие-то скудные накопления и укатил в Москву. Там он женился и остался навсегда».

Несмотря на это предательство и негативный осадок в душе мало что еще понимающего в этом мире мальчишки, Давид Кунович еще будет присутствовать в жизни сына. Когда Иосиф – молодой, начинающий, но уже довольно известный артист – будет нуждаться в московской прописке, его отец пойдет ему навстречу.

«...Как певцу-победителю украинской олимпиады мне дали путевку в Москву. Я не помнил родного отца, но, когда пришло время ехать в столицу, мама сказала мне: “если хочешь, повидайся с родителем”. И я повидался. Однако его отношение к маме и мое благодарное отношение к отчиму сделало наше общение очень формальным. Он отвел меня, как сейчас помню, в Детский мир на Таганку. Купил мне какой-то свитерок, еще чего-то купил. Я поблагодарил. А он сказал, что у него завтра будет хороший обед и... чтобы я приходил. Еще сказал, что у него и в новой семье уже два сына...

В следующий раз мы встретились, когда я стал известным артистом: просто мне до зарезу нужна была московская прописка. Я заканчивал Гнесинский институт. И чтобы расти дальше – необходимо было остаться в Москве. Весь Советский Союз распевал мои песни: “А у нас во дворе”, “Бирюсинка”, “И опять во дворе”, “Морзянка”, “Пусть всегда будет солнце”... Да

мало ли было успехов, которых я успел добиться на эстраде, но, как назло, у меня не было московской прописки. И бывший отец не отказал мне. Это был 1964 год».

А вот его первая жена, певица Вероника Круглова, говоря о трудностях получения постоянного московского адреса проживания и об отце Иосифа Кобзона, вспоминала следующее¹⁷:

«Расчета в моем замужестве не было никакого: в то время Есик был нищим, как и я, и еще абсолютно никем на сцене. У нас тогда не было ни кола, ни двора. Приходилось снимать махонькую комнатуху в огромной коммуналке в районе Каретного Ряда. Иосиф делал все возможное, чтобы зацепиться за Москву, но председатель Моссовета Промыслов почему-то отказывал ему в прописке. Однажды, выступая где-то публично, сказал, как ножом отрезал: “Живите у себя в Днепропетровске!” (По настоянию Иосифа мне пришлось однажды идти с просьбой о прописке к его родному отцу Давиду. Он работал в Москве инженером. Впечатления от Кобзона-старшего не осталось почти никакого: маленький шупленький еврейчик, сбежавший от первой супруги, когда самому младшему, Есику, было всего шесть лет.) Сама я, работая в Росконцерте, могла еще какое-то время обходиться без штампа в паспорте, а муж пользовался временной студенческой пропиской...»

¹⁷ <http://www.deltaquattro.com/strast/iosif-kobzon-17520/90708312.html>

Глава 5

Батя: «Воевать всю войну – хватило, а вот жить – не-а...»

На руках у брошенной в эвакуации матери осталось трое ребят, к счастью, судьба улыбнулась женщине: в 1946 году она сошлась с фронтовиком Михаилом Михайловичем Раппопортом, у которого было двое детей (его жена погибла в 1943-м). Этот человек сыграл большую роль в становлении юного Иосифа. Сам певец восхищался этим человеком, ставшим опорой большой семьи.

– Бедная мама моя. Досталось ей горя! Но все она выдержала. А в 46-м встретился ей по-настоящему хороший человек – Михаил Михайлович Раппопорт, 1905 года рождения. И к нам в семью пришла радость – появилась сестричка Гела. Язык не поворачивается назвать этого человека – отчим. Я с гордостью звал его Батя. Мы все до конца дней безумно любили его. А он... рано ушел из жизни. Не хватило здоровья у бывшего фронтовика, чтобы жить. Воевать всю войну – хватило, а вот жить – не-а... Но во мне он по-прежнему... есть! Батя. Мой Батя!

Давид Кунович Кобзон (?)

Ида Исаковна Шойхет (Кобзон).
Фото из архива В. Кругловой

О характере и методах воспитания этого человека свидетельствует такой любопытный случай, рассказанный благодарным пасынком Иосифом в уже зрелом возрасте:

«Еще больше запомнилась мне первая моя сигарета. Она была, когда я стал студентом горного техникума. Все курили на переменах, и я закурил... Но батя однажды поймал меня... Я спрятал сигарету от него в кулак, а он физически был очень сильным человеком и сжал мою руку так, что я заорал от ожога. И тогда батя сказал: “Хочешь курить – кури открыто, но этого чтобы я больше не видел”. С тех пор прошло 50 лет. И я, если, что-то делаю, то делаю открыто, а не тайком, не исподтишка».

Добавим как факт: Иосиф Кобзон курил с 14 лет, но бросил курить в возрасте 66 лет.

Жизненный путь увел Иосифа из семьи, в итоге молодому таланту удалось закрепиться в Москве. Прошли годы, и семья его вновь воссоединилась с вылетевшим из родительского гнезда птенцом. Произошло это при любопытных обстоятельствах, поставивших исполнителя в самое затруднительное и неловкое положение.

В 1967-м году мать И. Кобзона, сестра и батя приехали жить в Москву. Причем свалились на голову, без предупреждения! Как признавался Иосиф Давыдович: «Я-то думал, что они хотят погостить, а оказалось, что они решили остаться в Москве навсегда». «Она (мама. – *Авт.*) считала, что ее сын достиг таких высот и такого положения, когда у него не может быть особых проблем по жизни. Поэтому она и приехала, ничего предварительно не сказав мне».

До этого момента его родные проживали в Днепропетровске, где имели в собственности половину частного дома. Накануне отъезда было решено эту половину продать и двинуться в путь со всем нажитым скарбом. С собой в Москву Ида Исаевна привезла кучу своих любимых пластинок. Завидев родственников в своем доме, приехавший с гастролей артист обрадованно произнес:

– О! Какая радость, батя. Молодцы, что приехали. Давно не виделись. Какой же я счастливый человек!

На что его мать тут же и объявила: ну коль ты рад и счастлив, то мы остаемся у тебя навсегда!

Пожалуй, стоит упомянуть, что наш герой в подростковом возрасте увлекался боксом, в те же годы он по фраерской традиции (сказались лидерские амбиции пацана) сделал себе на правом плече татуировку «Не забуду мать родную». Наколку, сделанную в 13-летнем возрасте, певец в начале 1960-х, когда переехал в Москву, вывел. Но фраза эта неким мистическим образом еще больше связала его с семьей.

Услышав тогда о приезде «навсегда», молодой певец был не просто удивлен, а шокирован, ведь ему пришлось предпринять неимоверные усилия, чтобы самому закрепиться в столице страны, а тут...

«Они не могли даже представить, что значит в Москве получить прописку, да еще сразу для трех человек, когда я еле-еле получил ее для одного себя. Лишив сами себя прописки в Днепропетровске и, не имея прописки в Москве, они обрекали себя на подвешенное и во многом бесправное состояние.

...Потрясающая была история. Я просто сжался от создавшегося положения. “Господи, что же мне теперь с ними делать?” – говорил я себе. И что я только ни вытворял, чтобы прописать их! Я разводил мать с отцом. Какие слезы были! Как я выдавал замуж сестру за своего конферансье! Их же нужно было всех легализовать в столице. Казалось, это невозможно. Но я все это сделал. Когда женился на Неле¹⁸, мы с ней переехали на Переяславку в трехкомнатную квартиру, а двухкомнатную на Проспекте Мира оставили сестре и маме. Позже там же я купил маме однокомнатную квартиру...»

¹⁸ Дризина Нинель Михайловна, третья супруга певца. – *Примеч. ред.*

Москва и москвичи. 1960-е годы

И коль мы так далеко забежали вперед, то можно рассказать и такой нюанс, связанный с отношениями родственников певца, переехавших в Москву, с его избранницами. Как многим известно, после неудачного первого брака через несколько лет Иосиф Давыдович влюбился в блистательную актрису Людмилу Гурченко. Пара поженилась, но прожили в браке недолго – три года, о которых и после развода сам Кобзон вспоминал с искренней мужской теплотой (в отличие от его супруги).

– Как-то встретил Люду за кулисами. Поздоровался, а она прошипела: “Ненавижу!” – “Значит, любишь”, – ответил я, – признавался Иосиф Давыдович.

Но это мы чуть отвлеклись от темы. Так вот, Людмила Марковна, став женой знаменитого певца, не смогла смириться с присутствием в их семейной жизни его близких родственников. Паре пришлось уехать из квартиры на Проспекте мира в квартиру, принадлежавшую актрисе. Известно, что Людмила Марковна не хотела общаться с родителями Кобзона, и контакта у них не получилось.

Но вернемся к периоду, когда троица прибыла из Днепропетровска, чтобы обосноваться в московской квартире советской знаменитости. И увидим, какому стрессу был подвергнут не только Иосиф Кобзон, но и его отчим, уважительно прозываемый «батя».

«Приехала мама. Приехал отчим. Приехала сестра. И наступили для меня каторжные дни, потому что я любил их, но понимал, что я не знаю, что делать. К счастью, нашлись находчивые друзья и говорят, что надо разводить маму с папой и мать, как одинокую, прописать к себе, а из Днепропетровска, из нотариата, сделать справку, что там у нее никого нет и по старости лет она нуждается в опеке. Хотя оставались еще родной брат и два двоюродных брата. Ну, в общем, родня там была. А маме было всего 60 лет. Ну и... я начал действовать. А отец, отчим, все никак не мог понять, почему я хочу их развести. Он думал, что на старости лет я хочу от него избавиться. “До чего я дожил?” – плакал он. Это была для него настоящая трагедия, хотя я убеждал его: “Батя, ну ты что? С ума сошел... так думать? Все это формально”. – “Как формально?” – не верил он. “Да так, что без этого не пропишут вас в Москве. И все. Что вы тогда делать будете?” – не унимался я. А он спрашивал: “Как не пропишут? Ты ведь наш сын?” Долго я убеждал его: “Не волнуйся ты! Ты, как живешь здесь, так и будешь жить всегда...” Были совершенно жуткие сцены. Но... мне все-таки удалось развести мать с отцом и привезти из Днепропетровска справку, добытую, конечно, левым путем, о том, что мама у меня одинокая. Так маму я прописал к себе. А в Пушкино, в Московской области, где у меня живет старший брат, мы прописали батю. Однако... то ли все это на него плохо подействовало, то ли силы были уже не те, но через 3 года, в 1970 году, его не стало, хотя мы все его так любили... Любили, как самого родного человека...»

Из слов Иосифа Давыдовича семья, состоявшая из его матери и отчима, кажется нам дружной, почти идилличной. Однако оценки тех, кто близко знал этих людей, могут с легкостью посеять сомнения. К примеру, первая супруга И. Кобзона певица Вероника Круглова (речь об этом браке пойдет ниже) в интервью журналисту Б. Кудрявову передавала свое негативное мнение¹⁹.

«– Какое впечатление произвел на вас отчим Иосифа Давыдовича?

– Очень красивый широкоплечий мужик, здоровый такой, чем-то напоминающий актера Тони Кертиса, игравшего в фильме “В джазе только девушки”. Он был уже на пенсии, страдал диабетом и ходил с палочкой. Очень удивилась, как мама Кобзона обращалась со своим мужем. “Ты палку на концерт не бери. Иначе я с тобой не пойду!” – возмущалась она.

Молодой певец в окружении родных

Между ними были очень сложные взаимоотношения. Обо всем этом отчим Иосифа мне рассказал позже, когда они приезжали в гости посмотреть нашу новую двухкомнатную квар-

¹⁹ <http://www.lifestory.kz/index.php?p=252>

тиру. “Деточка, – говорит, – как же ты попала в такую страшную семью? Как влипла?” Я знала, что ответить: “Мне-то что, соскочу скоро, а вот как вы жизнь с ними прожили?” – “После смерти жены остались двое сыновей. У нас, у евреев, – рассказывал старик, – принято свататься. Невест было много, но хотелось, чтобы избранницей стала женщина с детьми, которая смогла бы принять в дом и моих сыновей. Так и женился на твоей свекрови. У нее самой было трое детей, потом она родила еще дочку. Но все дети ушли из дома, не смогли ужиться с этой женщиной”».

Глава 6

«В Славянске я встретил День Победы. В школу пошел в Краматорске...»

Мы уже говорили о том, что самую тяжкую годину – Великую Отечественную войну – мальчик Иосиф со своими близкими провел в небольшом узбекском городке, в домике с садом, ел не только жмых и суп из свиных голов, но (пусть не всегда и не очень сытно) и узбекские лепешки, и сладкий урюк.

Сразу после освобождения родных мест многие выжившие беженцы начинали возвращаться по домам. Не стала исключением и семья Кобзонов. Как только в 1944 году был освобожден от немцев Донбасс, Кобзоны из Янгияля вернулись на Украину, в город Славянск, где жила добросердечная русская женщина Таисия с двумя сыновьями от погибшего на войне Михаила, брата Иды Исаевны, который по документам значился как Михаил Исакович Шойхет, 1912 года рождения. Так что Ида Исаевна в реальности действительно была Идой Исаковной (не удивительно, что и ее сын, рожденный от Давида, называет себя Давыдовичем). Также, согласно документам²⁰, ее брат не числился погибшим, а был в списках *пропавших без вести* (что, конечно, не исключает и гибели).

Тетя Тася благосклонно приняла внезапно приехавших родственников. Наверняка гости, пересидевшие страшные годы в тылу, не услышали ни слова упрека от той, что видела все ужасы войны... Впрочем, утверждать точно, где находилась и как пережила трагические годы жена Михаила Исаковича Шойхета с сыновьями, мы не можем, ибо даже в биографической книге Иосиф Давыдович практически ничего о ней не рассказывает. В этой гостеприимной семье Иосиф с родственниками встретили радостное известие о Победе.

Как-то у него спросили: «Вы помните 9 мая 45-го?». И он ответил:

– Да, конечно. Я проснулся от жуткого крика в нашей коммуналке. Это было в городе Славянске, в Донбассе. Я знал, что такое крики в коммуналке, когда приходили похороны. Но тут, открыв глаза, я увидел, что люди улыбаются, обнимаются и плачут одновременно. Я спросил у мамы: «Что случилось?» Она говорит: «Победа, сынок!»

Постепенно все братья Кобзоны подрастали и разъезжались кто куда. Старший брат после войны пошел в армию, за ним средний; третий брат уехал в Москву учиться в педагогический. Когда же старший вернулся из армии, то женился на девушке из Подмосковья и уехал из семьи; затем семью покинул и второй.

Недолгое пребывание будущей знаменитости в Славянске не прошло незамеченным: в будущем, когда певец достиг высот славы, его приняли в ряды почетных граждан Славянска (также и ряда других украинских городов). Эти сведения можно было обнаружить на сайте Славянского горсовета, там же указывалось, что в 1940-х годах в Славянске Кобзон жил у своей тети.

Увы, события последних лет показали, что идеи фашизма, задушенные силами советской армии в 1945-м, не уничтожены до конца, и им вновь противостоят славянские города... События в Украине, последовавшие за вооруженным государственным переворотом, спровоцированным финансовым и психологическим вмешательством США и «прогрессивного» Запада, запустили процесс противостояния между разными частями этой страны. «Прозападники» и «прорусские» оказались по разные стороны баррикад; противостояние превратилось в яростную борьбу, когда оказалось, что на стороне «прозападников» воюют оголтелые нацистские последователи, не стеснявшиеся открыто носить на своей форме нацистские знаки отличия.

²⁰ <http://chk.forumbb.ru/viewtopic.php?id=2873&p=3>

Не удивительно, что возвращенные властями «русофобы» причислили И.Д. Кобзона к врагам за его поддержку земляков родного Донбасса. Даже памятная доска Иосифу Кобзону, которая висела на здании местной библиотеки, в августе 2014 года была повреждена проукраинскими активистами. Сотрудники учреждения пытались помешать им, но хулиганы добились своего²¹.

«Как только по радио сообщили, что освободили Донбасс – мою родину, мы тут же поехали на Украину. В первый класс я пошел в городе Краматорске, в 6-ю мужскую школу. Город был разрушен войной – отсутствовало отопление, у нас не было тетрадей, мы писали на обрывках бумаги, на газетах...» – сообщал Иосиф Давыдович.

В одном из интервью Иосиф Давыдович признался, что однажды в детстве отец разрешил ему сфотографироваться с медалями

Краматорск наряду со Славянском – еще один многострадальный город, по которому прокатилась война новоявленных «протоукров» с местным населением. Могли ли жители города в далеком 1945 году, только недавно освобожденные от немецкого врага, предположить, что через семь десятилетий их дети и внуки будут противостоять неонацистам, причем неонацистам-соотечественникам? Уму непостижим подобный расклад!

Отвечая на вопрос читателя «Московского комсомольца» в июле 2015 года: «Хотелось бы разузнать ваше мнение по поводу будущего Славянска и Краматорска?», легендарный певец сказал²²:

– Это родные мои города. В Славянске я встретил День Победы в мае 1945 года. В школу пошел в Краматорске. Давайтеждемся изменения ситуации. Может быть, хватит терпения, и, опасаясь третьей всемирной войны, наши президенты примут правильное решение. Я не могу поехать в Днепропетровск на могилы близких мне людей, однако надеюсь, что это пройдет.

Но вернемся на семь десятилетий назад... Вот что о том времени вспоминал Иосиф Давыдович:

«Мою первую учительницу звали Полина Никифоровна. Хороший человек. Как звать – помню. Навсегда помню. А вот фамилию... забыл. У нее я научился писать и читать, рисовать и считать только на “пять”...»

С первого класса вела меня Полина Никифоровна. Добрая такая “мамка” была. Потом приходила она на концерт, когда я выступал в Краматорске. Как сейчас помню, конец 45-го... Станным образом тогда мы учились: когда нужно было писать, худющие, но горячие, отогревали мы под рубашками чернильницы с замерзшими чернилами и писали... между строк...

²¹ <http://lifenews.ru/news/137692>

²² <http://zaukrainu.org/rsc24/obshhestvo/iosif-kobzon-kogda-mne-ploxo-stremlyus-na-scenu>

на газетах. Чтобы не стучать от холода зубами, сжимали губы. В классах стоял мороз, но не в силах он был заморозить наши души, которые после Победы горели такими страстями и такими мечтами, что казалось ничто на свете не сможет их погасить. Все это было. И я помню это. Помню. Я хорошо это помню... 6-я мужская средняя школа... Быков Леня, будущий знаменитый Максим Перепелица, учился в моей школе. Был он старше меня на два года. Но только позже мы обнаружили, что мы... из одной школы!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.